

брака, я хочу сказать нѣсколько словъ.

Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ замѣчается участіе представителей религіи въ совершеніи брака. Въ такомъ видѣ является въ исторіи древнеримскій, древнегреческій и древнееврейскій бракъ. Но высшее освященіе брака сдѣлано было христіанскою религіей. Однако непремѣнное требованіе для брака церковнаго вѣнчанія далеко не совпадаетъ съ началомъ христіанской эры. До Тридентскаго собора (1542 г.), и даже нѣкоторое время послѣ него, сама церковь не имѣла прочной формы брака. Существенно было, чтобы не подлежала сомнѣнію воля заключить бракъ, а чѣмъ эта воля обнаруживалась: словомъ, знакомъ или поступками—считалось дѣломъ второстепеннымъ. Тѣмъ не менѣе участіе церкви въ заключеніи брака рано стало входить въ обычай, впрочемъ, не въ смыслъ оформленія брака, а только въ смыслъ благословенія уже заключеннаго супружества. Водилось, что новобрачные слушали вмѣстѣ обѣдню и при этомъ получали благословеніе отъ священника. Замѣчательно, что въ первое время даже не существовало въ уставахъ церкви особаго чина вѣнчанія.

Лишь мало по малу сознавалась необходимость церковнаго вѣнчанія для брака. Двѣ причины способствовали этому *)—его требовало христіанское благочестіе: христіанская мораль не благопріятно относилась къ тому, кто избѣгалъ участія церкви въ важнѣйшемъ актѣ его жизни.

Однако, общимъ правиломъ церковное вѣнчаніе стало лишь, благодаря слѣдующей причинѣ. Такъ какъ главное въ бракѣ было согласіе супруговъ, воля ихъ заключать бракъ, то отсюда у простого обрученія, разъ эта воля не подлежала сомнѣнію, не отнималась сила брака. А это вело къ тому, что нѣкоторые, пользуясь безформенностью брака, обручившись, заключали новый бракъ, уже при участіи церкви. Лютеръ рассказываетъ, что онъ не разъ былъ въ критическомъ положеніи, когда подобные двоеженцы, раскаявшись, обращались къ нему, прося его примирить ихъ съ совѣстью. Онъ же говоритъ, что духовенство этому горю обыкновенно помогало такъ:—вмѣнялось двоеженцу въ обязанность считать свою прежнюю жену по обрученію женой только въ сердцѣ своемъ, вторую же считать женой дѣйствительной; съ нею вмѣняя, однако, въ обязанность жить, но не сожительствовать.

На эту безурядицу было обращено особенное вниманіе Тридентскаго собора. Бракъ отселѣ долженъ былъ заключаться не иначе, какъ при участіи приходскаго священника, который, въ

присутствіи двухъ или трехъ свидѣтелей, удостовѣрившись въ обоюдной волѣ жениха и невесты, соединялъ ихъ бракомъ, произнося слова: „я васъ соединяю во имя Отца и Сына и Святого Духа“, или другое принятое въ данной мѣстности изрѣченіе. Съ этихъ поръ бракъ сталъ исключительно подвѣдомъ церкви. Соборъ высказался въ этомъ отношеніи категорически: „если кто станетъ утверждать, что дѣла брачныя не принадлежатъ власти духовной, да будетъ анафема“.

Хотя реформація и объявила бракъ дѣломъ свѣтскимъ, однако и для своихъ браковъ она требовала церковнаго вѣнчанія.

Дальнѣйшій ходъ исторіи, однако, показалъ, что церкви трудно было удерживать въ своихъ рукахъ брачное дѣло. Ей легко было справляться съ нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока она, съ одной стороны, предписывала законы не только церковные, но и свѣтскіе, а съ другой стороны, пока не замѣчалось отпаденія отъ ея догматовъ. Когда же церковный авторитетъ ослабѣлъ и когда въ лонѣ господствующей церкви оказались отступники, тогда приходилось дѣло духовное защищать мірскими средствами и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, безуспѣшно. Замѣчательно, что въ этомъ отношеніи высказывала одинаковую нетерпимость какъ церковь католическая, такъ и протестантская. Примѣръ этому представляетъ исторія брачнаго права Франціи и Англіи.

Извѣстно, какъ усердно преслѣдовались во Франціи гугеноты. Всѣ проявленія исповѣданія непризнанной государствомъ религіи жестоко преслѣдовались, въ томъ числѣ, разумѣется, не дозволялось и совершеніе брака по обряду этой религіи. Хотя Нантскій эдиктъ и прекратилъ преслѣдованія гугенотовъ, но затѣмъ онъ возобновились съ новою силою, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилось и отрицаніе гугенотскихъ браковъ. Надежда на успѣхъ искоренить протестантизмъ, однако, не оправдалась. Новая религія жила, такъ сказать, подземною жизнью. Въ лѣсахъ, пещерахъ, совершали протестантскіе священники богослуженіе и тамъ же вѣнчали бракомъ своихъ единовѣрцевъ.

Какъ велика была цифра этихъ браковъ, можно судить потому, что въ 1752 г. ихъ было совершено болѣе 150,000.

Спрашивается, что было дѣлать государству съ этими браками? Насилія не помогали обращенію; игнорировать ихъ было тоже невозможно. Пришлось взять ихъ, помимо церкви, подъ свое покровительство. Закономъ 28 ноября 1787 г. разрѣшено было тѣмъ протестантамъ, которые не захотятъ совершать бракъ у католическаго свя-

щенника, совершать его у гражданскаго чиновника, т. е. разрѣшонъ былъ, такъ называемый, *произвольный (факультативный) гражданскій бракъ*.

Время показало, что этотъ первый шагъ по пути секуляризаціи брака оказался непослѣднимъ. Примѣры стѣсненій церкви въ дѣлѣ брака, неустойчивость церковной формы, удовлетворявшейся лишь пассивнымъ присутствіемъ священника при бракѣ, вѣяніе новаго философскаго ученія,—все это вмѣстѣ привело французовъ, во первыхъ, къ убѣжденію, что бракъ, заключаая въ себѣ элементъ религіозный, есть также и учрежденіе мірское, а вторыхъ, къ возможности отдѣленія гражданской стороны въ бракѣ отъ церковной и подчиненія ихъ различнымъ компетенціямъ: духовнаго и свѣтскаго законодательства. Плодомъ этого было введеніе общеобязательнаго гражданскаго брака для всѣхъ французовъ 20 ноября 1792 г. Въ 1801 году онъ былъ подтвержденъ конкордатомъ съ папой, а въ 1803 г. вошелъ въ нынѣ дѣйствующій гражданскій кодексъ Франціи.

Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Государство признаетъ обязательнымъ только бракъ, совершенный у компетентнаго чиновника. Одного церковнаго вѣнчанія для этого недостаточно. Мало того: для того, чтобы не породить столкновеній между церквами и государствомъ, священникамъ запрещается вѣнчать прежде, чѣмъ они не удостовѣрятся, что бракъ заключенъ у чиновника. Совершеніе же этого брака состоитъ въ томъ, что чиновникъ, завѣдывающій веденіемъ актовъ гражданскаго состоянія, огласивши надлежащимъ образомъ о предстоящемъ бракѣ, въ назначенный день приглашаетъ въ домъ коммуны какъ брачующихся, такъ и ихъ свидѣтелей (не менѣе 4-хъ), и здѣсь, при открытыхъ дверяхъ, читаетъ узаконенные документы и статьи кодекса, касающіяся обязанностей супруговъ, и затѣмъ предлагаетъ жениху и невестѣ вопросъ—желаютъ ли они сочетаться бракомъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, провозглашаетъ бракъ законнымъ.

Аналогичной же причинѣ обязана введеніемъ гражданскаго брака и Англія. Только тутъ роли церкви измѣнились—тѣснили диссидентовъ не католическая церковь, а епископальная. Результатъ и здѣсь выполь тотъ же: пришлось допустить гражданскій бракъ; разница только въ томъ, что англійскій гражданскій бракъ, введенный въ 1837 г., не безусловно обязательный, а произвольный. Кто не желаетъ церковнаго вѣнчанія, можетъ удовлетвориться гражданскимъ актомъ.

Наше отечество недавно тоже послѣдовало примѣру Франціи и Англіи

относительно браковъ раскольниковъ. Извѣстно, что наши раскольники, будучи коренными русскими подданными, въ религіозномъ отношеніи находились и, къ сожалѣнію, отчасти и теперь находятся, не только въ худшемъ положеніи нежели евреи, но даже самоды, калмыки и другіе инородцы. Въ особенности фатально было положеніе семейное принадлежавшихъ къ расколу. Раскольничьи толки не признавались государствомъ. Оттого раскольники, до тѣхъ поръ могъ пользоваться правами, пока они не приходили въ связь съ религіей; разъ такая связь обнаружилась, всѣ его права отрицались. Отсюда вытекало, что жены законной раскольниковъ не могъ имѣть, не могъ имѣть и законныхъ дѣтей, не могъ, слѣдовательно, пользоваться правомъ законнаго наслѣдованія и т. д. Словомъ, создано было какое то законное беззаконіе для многихъ милліоновъ людей. Предѣлъ этому былъ положенъ изданіемъ закона 19 апрѣля 1874 г. объ установленіи метрическихъ книгъ для записи браковъ, рожденій и смерти раскольниковъ. Согласно этому закону, браки раскольниковъ приобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи, чрезъ записаніе въ установленныя для нихъ метрическія книги, силу и послѣдствія законнаго брака (п. I правилъ о метрической записи браковъ), т. е. законъ 19 апрѣля 1874 г. ввелъ гражданскій бракъ для нашихъ раскольниковъ, приравнивъ его вполне къ браку церковному.

Кромѣ Франціи, Англіи и Россіи—что касается раскольниковъ,—гражданскій бракъ узаконенъ еще въ слѣдующихъ государствахъ Европы: въ Италіи, Бельгіи, Голландіи, Испаніи; Германской Имперіи и Румыніи—въ видѣ общеобязательной формы брака; въ Австріи—въ видѣ произвольной формы брака для лицъ господствующаго вѣроисповѣданія; въ Швеціи—для браковъ христіанъ съ евреями, въ Норвегіи—для браковъ сектаторовъ, не признающихъ священства, т. е. въ послѣднихъ двухъ странахъ въ видѣ необходимой формы брака.

Такимъ образомъ мы видимъ, что гражданскій бракъ сталъ достояніемъ почти всей Европы, практикуясь не только въ государствахъ самаго разнообразнаго политическаго устройства, разнообразнаго племенного состава, но и самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ вѣрованій.

Въ этомъ распространеніи гражданскаго брака нельзя видѣть ничего ни печальнаго, ни ненормальнаго. *Гражданскій бракъ не есть отрицаніе церковнаго авторитета въ брачномъ дѣлѣ—онъ только заключаетъ въ себѣ признаніе, на ряду съ церковнымъ, и свѣтскаго авторитета*. Государство

ХАРЬКОВЪ.

24-го февраля 1881.

Русское общество отличается замѣчательною скудостью юридическихъ знаній. Причинъ этому много. Во первыхъ, наша гражданская жизнь устроена такъ, что правопроизводящая сила лежитъ не въ обществѣ, а внѣ его. Вторыхъ, наша общеобразовательная школа слишкомъ занята классицизмомъ, чтобы обращать вниманіе на отечественные юридическіе порядки. Третьихъ, наша юридическая наука не старается заговорить съ публикой о томъ, что ее интересуетъ и такимъ образомъ, чтобы ее заинтересовать. Отсюда поразительное незнакомство съ явленіями юридической жизни, доходящее иногда до предразсудка.

Такую судьбу имѣетъ между прочимъ у насъ гражданскій бракъ. Кто не знаетъ, что этотъ почтенный институтъ, сдѣлавшійся достояніемъ всей западной Европы, у насъ смѣшивается съ конкубинатомъ (простое сожительство).

По поводу этого quasi-неприличнаго института, по поводу гражданскаго

*) Оно отличало бракъ отъ конкубината, преслѣдовалась церковью.

вполнѣ признаеть за церковью ея право регулировать церковную сторону брака, но въ то же время удерживаетъ за собою право на регулирование гражданской стороны.

Въ такомъ положеніи въ какомъ до послѣдняго времени былъ бракъ, прежде были многіе институты гражданского права. Припомнимъ, какъ относилась въ оно время церковь къ разнымъ торговымъ и въ особенности къ процентнымъ сдѣлкамъ. Она считала, что на эти сдѣлки не могло быть другого взгляда, кромѣ усвоеннаго ею. А этотъ взглядъ былъ таковъ: „просящему у тебя дай и проч.“, однако государство не удовлетворялось этимъ воззрѣніемъ и замѣнило его другимъ—закономъ спроса и предложенья. Можно сказать, что исторія гражданского права есть, во многихъ отношеніяхъ, исторія отрѣшенія институты этого права отъ вліянія церкви. Лучшій примѣръ представляетъ въ этомъ случаѣ наше отечественное законодательство. Припомнимъ компетентность духовнаго суда по уставу Владиміра Святого и теперешнюю, даже по законамъ до Петра и постлѣ Петра.

Словомъ, исторія брака отличается отъ исторіи другихъ институты, относительно вліянія церкви, лишь тѣмъ, что это вліяніе отражалось на немъ сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ на другихъ институтахъ. Причина понятна—семья была ближе церкви, чѣмъ имущество.

Конечно, съ отдѣленіемъ въ бракѣ духовной стороны отъ свѣтской, послѣдовало и различіе воззрѣній на одинъ и тотъ же институтъ. Но и тутъ нѣтъ ничего ненормальнаго. Не одинаковы задачи, оттого не одинаковы и результаты. Церковь стремится къ идеалу, въ этомъ ея жизнь и значеніе, государство къ возможному, при данныхъ условіяхъ культуры. Нельзя поэтому церковнаго и добываться мірскими средствами. Едва ли даже желательно, съ точки зрѣнія авторитета церкви, чтобы ея предписанія стали законными нормами. Вся сила этихъ предписаній заключается въ томъ, что онѣ не нуждаются ни въ какой другой опорѣ, кромѣ одного сознанія ихъ высокой нравственной важности.

Наконецъ, бракъ въ этомъ отношеніи раздѣляетъ судьбу многихъ другихъ институты права. Такъ, изъ сферы уголовного права—самоубійство, самооскверненіе по воззрѣнію церкви, тяжкіе грѣхи—по воззрѣнію же законодательствъ (по крайней мѣрѣ цивилизованныхъ) ненаказуемыя дѣянія.

Въ сферѣ гражданского права, кромѣ указаннаго уже примѣра о займѣ, можно найти и другіе институты, которые едва ли вполнѣ согласны съ евангельскими правилами. Но что же отсюда слѣдуетъ? Одно—задачи церкви выше задачъ государства по простой причинѣ: для церкви есть еще и загробная жизнь, а для государства только земная.

Само собою разумѣется, что всякое разумное законодательство должно быть проникнуто религіозными нравственными принципами, но ни одно не можетъ, не рискуя превратиться въ нуль, возводить эти принципы въ юридическія постановленія.

Не надо, впрочемъ, думать, что, съ введеніемъ гражданского брака, наступаетъ тѣмъ самымъ полная секуляризація брака. Примѣръ на глазахъ. Во Франціи гражданскій бракъ существуетъ уже 88 лѣтъ, а между тѣмъ ея брачное право, по духу своему, строго-католическое; съ 1816 г. во Франціи признана полная *нерасторжимость брака*, причомъ главнымъ мотивомъ введенія этого закона служили догматы католической церкви.

На дняхъ мы видѣли, какъ изгоняющая іезуитовъ республиканская Франція въ дѣлѣ развода оказалась вѣрной дочерью католической церкви.

Но какъ вѣрно то, что гражданскій бракъ не влечетъ ео ipso церковнаго воззрѣнія на брачное дѣло, также вѣрно и то, что онъ послужилъ началомъ замѣны этихъ воззрѣній воззрѣніями свѣтскими. Эти послѣднія проникли или чрезъ диссидентскіе браки, почти всегда преслѣдовавшихся господствующею церковью, или же чрезъ браки вѣроисповѣданій, неимѣвшихъ церковной іерархіи и нуждавшихся по необходимости въ содѣйствіи государства для оформленія брака. Но коль скоро взглядъ на бракъ, какъ на дѣло свѣтское, проникъ въ законодательство, онъ, раньше или позже изъ исключенія превратился на западѣ Европы въ общее правило.